

Моим родителям
посвящается

Я хотела найти один закон на все случаи жизни, а нашла страх. Список моих кошмаров — карта, указывающая путь, которым можно выйти отсюда.

Анна Карсон «Плейнуотер»

1.

— У нас ваша дочь.

Первый вторник сентября, начало очень плохого дня, и Фрида пытается совсем не съехать с дороги. В голосовой почте полицейский требует, чтобы она немедленно приехала в отделение. Она, сбрасывая сообщения, кладет телефон. Часы показывают 2:46 дня. Она собиралась вернуться домой полтора часа назад. Она сворачивает с Грейс-Ферри на боковую улицу и останавливается во втором ряду, потом перезванивает и начинает извиняться, объясняет, что потеряла счет времени.

— Она в порядке?

Полицейский говорит, что ребенок в безопасности.

— Мадам, мы бог знает сколько времени пытаемся до вас дозвониться.

Она отключается, звонит Гасту, ей приходится оставить сообщение. Он должен встретить ее в отделении полиции на углу Одиннадцатой и Уартона.

— Проблема. Это связано с Гарриет. — У нее перехватывает голос. Она повторяет слова полицейского, что их дочь в безопасности.

Тронувшись с места, Фрида напоминает себе, что не должна превышать разрешенную скорость,

не ехать на красный, дышать. Весь уик-энд Дня труда ее лихорадит. В прошедшие пятницу и субботу у нее была обычная бессонница, спала по два часа за ночь. В воскресенье, когда Гаст привез Гарриет Фриде на три с половиной дня ее попечения, у девочки обнаружилась мучительная ушная инфекция. В ту ночь Фрида спала девяносто минут. В прошлую ночь — час. Гарриет плакала, не переставая, слишком сильно для своего маленького тела, слишком громко для тоненьких стен дома, которые не могли заглушить ее плача. Фрида делала, что могла. Она лежала на полу рядом с кроватью Гарриет, держала ее невероятно идеальную руку, просунув свою через решетку кровати, она целовала пальчики дочки, ее ногти, ощущая неровность тех, которые пора подстричь, молясь о том, чтобы Гарриет закрыла глазки и уснула.

Послеполуденное солнце обжигает, когда Фрида останавливается у отделения полиции, расположенного в двух кварталах от ее дома, в старом итальянском районе в Южной Филли¹. Она паркуется и несется к секретарю приемной, спрашивает, не знает ли та, где ее дочь, малышка восемнадцати месяцев, наполовину китаянка, наполовину европейка, кареглазая, с кудрявыми темно-каштановыми волосами и челкой.

— Вы, вероятно, мать, — говорит секретарь приемной.

Секретарь — пожилая белая женщина, на ее губах мазок розовой помады. Она выходит из-за сто-

¹ Южная Филадельфия, или Южная Филли, как называют эту часть города местные жители.

ла. Обводит Фриду взглядом с головы до ног, отмечает поношенные ортопедические сандалии.

Отделение кажется Фриде почти пустым. Секретарь делает осторожные шаги, она бережет свою левую ногу. Ведет Фриду по коридору в комнату для допросов без окон, стены здесь выкрашены приторным светло-зеленым цветом. Фрида садится. В детективных фильмах, какие видела Фрида, лампы в таких комнатах непременно мигают, но здесь горят ровно. У нее пошли мурашки, она жалеет, что не взяла жакет или шарф. Хотя в дни, когда Гарриет с ней, Фрида часто чуть не валится с ног от усталости, сегодня она к тому же чувствует давление на грудь, а эта боль переходит в кости, не дает покоя.

Она потирает предплечья, ее внимание то концентрируется, то рассеивается. Достает телефон со дна сумочки, ругает себя за то, что не увидела сообщений полицейского сразу же, за то, что выключила звук, разозлившись на бесконечные рекламные звонки, за то, что забыла потом включить звонок. За последние двадцать минут Гаст звонил шесть раз и прислал целую простыню взволнованных эсэмэсок.

«Я тут, — отписывается она наконец. — Приезжай скорее». Ей бы следовало перезвонить ему, но она боится. В течение ее половины недели Гаст звонит каждый вечер, интересуется, узнала ли Гарриет новые слова, улучшилась ли у нее моторика. Она ненавидит разочарованность в его голосе, когда дочка не оправдывает его надежд. Но Гарриет меняется по-другому: ее пальчики хватают крепче, она замечает что-нибудь новое в книге, дольше держит взгляд Фриды, когда они целуются на ночь.

Положив руки на металлический стол, Фрида кладет на них голову и засыпает на несколько секунд. Она замечает камеру наблюдения в углу на потолке. Ее мысли возвращаются к Гарриет. Сегодня она купит упаковку любимого мороженого Гарриет — клубничного. Когда они вернутся домой, она позволит Гарриет играть в ванне, сколько ее душа пожелает. Почитает Гарриет еще одну книжку перед сном. «Я кролик». «Плюшевый мишка».

Полицейские входят без стука. Одного зовут Бруннер, это он звонил: мощного сложения белый, лет двадцати пяти, с угрями в уголках рта. Полицейский Харрис — чернокожий, средних лет, с аккуратными усами и крепкими плечами.

Она встает, пожимает обоим руки. Они просят ее показать водительские права, убеждаются, что она и есть Фрида Лью.

— Где мой ребенок?

— Присядьте, — говорит полицейский Бруннер и смотрит на грудь Фриды. Он открывает свой блокнот на чистой странице. — Мадам, когда вы уехали из дома?

— Может быть, в полдень. В половине первого. Я поехала купить кофе. А потом съездила на работу. Не стоило этого делать. Я знаю. Глупо с моей стороны. Я с ног валилась от усталости. Виновата. Я не хотела... Пожалуйста, скажите, где моя дочь.

— Не изображайте из себя дурочку, миз Лью, — говорит полицейский Харрис.

— Я ничего не изображаю. Я могу все объяснить.

— Вы оставили вашу дочь дома. Одну. Ваши соседи услышали ее плач.

Фрида кладет ладони на стол, ей нужно прикоснуться к чему-то холодному и надежному.

— Я совершила ошибку.

Полицейские приехали приблизительно около двух, вошли в дом через боковую дверь. Раздвижные стеклянные двери кухни, выходящие на задний двор, были открыты. Ребенка защищала только хлипкая сетка.

— Итак, ваша дочь... ее зовут Гарриет?... почти два часа находилась одна. Верно ли это, миз Лью?

Фрида сидит на руках. Она оставила свое тело и теперь парит где-то наверху.

Ей сообщают, что Гарриет сейчас осматривают в детском кризисном центре.

— Кто-нибудь ее привезет...

— Что вы имеете в виду — «осматривают»? Слушайте, все совсем не так, как вы думаете. Я бы не...

— Мадам, подождите, — говорит полицейский Бруннер. — Вы вроде умная женщина. Давайте вернемся назад. Итак, самое главное, почему вы оставили ребенка одного?

— Я купила кофе, а потом поехала на работу. Забрать рукопись. Бумажную. Видимо, я потеряла счет времени. Я уже возвращалась домой, когда увидела ваше сообщение. Виновата. Я несколько дней не спала. Мне нужно забрать ее. Я уже могу идти?

Полицейский Харрис отрицательно качает головой.

— Миз Лью, мы еще не закончили. Где вы должны были находиться сегодня? На чем попечении был ребенок?

— На моем. Я вам уже сказала. Я поехала на работу. Я работаю в Уартоне.

Она объясняет, что выпускает факультетское обзорное издание, переписывает научные труды в виде коротких статей для бизнес-сообщества. Что-то вроде курсовых работ по предметам, о которых она ничего не знает. Она работает удаленно из дома с понедельника до среды, когда ребенок у нее — по специальному соглашению. Это ее первая работа на полную ставку после рождения Гарриет. Она работает всего шесть месяцев. Найти приличную — и вообще какую-нибудь работу в Филли так трудно.

Она рассказывает им о ее требовательном боссе, о строгих сроках сдачи работ. Профессору, с которым она сейчас работает, восемьдесят один год. Он никогда не отправляет свои записи по электронной почте. Она забыла взять их с работы в пятницу, а теперь они понадобились для статьи, которую она заканчивает.

— Я собиралась взять его заметки и сразу же домой. Меня задержала необходимость ответить на электронные письма. Я уже должна была бы...

— И вы *так* поехали на работу? — Полицейский Харрис кивает на лицо Фриды без косметики, ее джинсовую рубашку в пятнах зубной пасты и арахисового масла. Ее длинные черные волосы, связанные в неаккуратный пучок. Ее шорты. Прыщ на подбородке.

Она сглатывает.

— Мой босс знает, что у меня маленький ребенок.

Они пишут что-то в своих блокнотах. Они проведут проверку на наличие нарушений, но если у нее и прежде были нелады с законом, то лучше сказать об этом сейчас.

— Ничего такого у меня, конечно, не было. — У нее боль в груди. Она начинает плакать. — Это была ошибка. Пожалуйста. Вы должны мне верить. Я арестована?

Полицейские говорят — нет, не арестована. Но они вызвали сотрудника из Службы защиты детей. Сотрудник уже выехал.

* * *

Фрида остается одна в светло-зеленой комнате, она грызет заусенцы. Она помнит, как доставала Гарриет из кровати, как меняла на ней подгузник. Она помнит, как давала дочке ее утреннюю бутылочку, накормила ее йогуртом и бананом, почитала «Мишки Беренстайн», про гостей с ночевкой.

Они проснулись в четыре и так и не уснули. Фрида должна была сдать статью на прошлой неделе. Все утро она носилась между детским уголком Гарриет и диваном в гостиной — там на кофейном столике были разложены ее материалы. Она несколько раз переписывала один абзац, пыталась объяснить байесовский вывод¹ словами дилетанта. Гарриет все время плакала. Она хотела сесть на колени Фриде. Хотела на ручки. Хватала бумаги и бросала на пол. Все время трогала клавиатуру.

Ей следовало бы включить для Гарриет телевизор — пусть бы смотрела. Она помнит, что подумала: если не успеет закончить статью, то босс отка-

¹ В науке статистический вывод, в котором свидетельство и/или наблюдение используются, чтобы обновить или вновь вывести вероятность верности гипотезы.

жет ей в работе из дома, и тогда Гарриет придется отдать в детский сад, а Фрида очень хотела обойтись без этого. И она помнит, что посадила тогда Гарриет в ходунки, которые следовало отправить на помойку несколько месяцев назад, когда Гарриет начала ходить. Потом она дала Гарриет воду и крекеры в виде зверьков. Проверила подгузник. Поцеловала Гарриет в головку, от которой пахло маслом. Сжала ее пухлые ручки.

Она решила, что в ходунках Гарриет будет в безопасности. Из них она никуда не денется. И вообще — что может случиться за час?

Фрида под резким светом в комнате для допросов обкусывает заусенцы, местами захватывает кожу. Контактные линзы измучили ее до смерти. Она достает пудреницу из сумочки, рассматривает темные круги под глазами. Она считалась хорошенькой. Она миниатюрная и стройная, у нее округлое лицо и челка, фарфоровые кукольные черты, и люди обычно считали, что ей двадцать с небольшим. Но в тридцать девять у нее морщины между бровей и вокруг рта, морщины, появившиеся у нее после родов, — все это стало еще заметнее, когда Гаст бросил ее и ушел к Сюзанне. Гарриет тогда было три месяца.

Сегодня утром она не приняла душ, не вымыла лицо. Она боялась, что соседи пожалуются на плач. Ей нужно было бы закрыть заднюю дверь. Нужно было сразу же вернуться домой. Вообще не выходить из дома. И вообще она не должна была забывать на работе профессорские заметки. Или уж съездила бы за ними в выходные. Нужно было вообще успеть сдать работу в срок.

Ей нужно было бы рассказать полицейским о том, что она не может потерять эту работу. Что Гаст нанял посредника, чтобы договориться о том, как они будут распределять обязанности по воспитанию ребенка. Он не хотел тратить деньги на юристов. С учетом того, что у Гасти перспективная, но плохо оплачиваемая работа, кредит за обучение, с учетом ее заработка и того факта, что у них совместная опека, посредник предложил ей ежемесячные выплаты от Гаста в размере пятисот долларов — явно мало, чтобы им с Гарриет прокормиться, в особенности потому, что она отказалась от работы в Нью-Йорке. Она не могла заставить себя попросить у него больше. Не требовала выплаты алиментов. Если она попросит, родители ей помогут, но просить у них она не может, она бы себя возненавидела, если бы попросила. Они и так ее обеспечивали, после того как она от них уехала.

Четверть пятого. Она слышит голоса в коридоре, открывает дверь и видит Гаста и Сюзанну — они разговаривают с полицейскими. Сюзанна подходит и обнимает Фриду, не отпускает ее, а Фрида напрягается под зонтом роскошных рыжих волос Сюзанны, окутанная запахом парфюма с ароматом сандалового дерева.

Сюзанна трет спину Фриде, словно они друзья. У этой девицы миссия — замучить Фриду до смерти своим дружелюбием. Война на истирание. Сюзанне всего двадцать восемь, она в прошлом танцовщица, и до появления Сюзанны в ее жизни Фрида не понимала, что разница между двадцатью восемью и тридцатью девятью может быть такой сильнодействующей и губительной. У этой деви-